

Татьяна КОЗЛОВА

Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Амалия МОРДВИНОВА: «Я МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ИГРАТЬ ШОПЕНА»

Есть актеры, ставшие знаменитыми сразу после дебюта. Но эти чудеса случаются в кино. В театре такое практически невозможно. И вот редкое исключение – Амалия Мордвинова. Или, как ее еще называли, «рыжее чудо «Ленкома». Кстати сказать, теперь это «чудо» работает в Театре имени Маяковского.

А тогда дело было так. Марк Захаров отмечал свой юбилей. Были приглашены звезды театра, кино, политики и меценаты. Они выходили на сцену и говорили речи. Потом появился Владимир Этуш – ректор Щукинского училища – и этакая рыжая француженка-революционерка с обнаженной грудью. Трудно сказать, что именно поразило Марка Захарова в этой якобинке, но он сразу взял ее в «Ленком» и дал главную роль в спектакле. С этого поворотного факта ее жизни мы и начали нашу беседу.

— Мне кажется, актерам в большинстве случаев не дано знать, что движет их колесо Фортуны. Когда лихие журналисты пишут: «Захаров запал на грудь», – мне неприятно. Я думаю, это оскорбляет и профессиональные качества Марка Анатольевича.

— Но согласитесь, это был эпатаж.

— Сознательно эпатировать публику я никогда не буду. Обнажаться, красить волосы в зеленый цвет – это не для меня. Что касается того капустника и моего первого появления на сцене, то я просто играла роль. Никаких угрозений или творческих мук по этому поводу у меня не было. В этом отношении актеры принадлежат не себе, а воле режиссера.

— Вашим режиссером тогда был Этуш. Он, судя по всему, и стал вашим крестным отцом?

— О, да! Для меня он Дон Корлеоне. В творческом отношении Владимир Абрамович для меня образец. К профессии у него святое, трепетное отношение. Жаль, что он не был моим педагогом, но тем более приятно, что в студенческих спектаклях обратил на меня внимание.

— На «Королевские игры» и вашу роль в этом спектакле были только положительные отклики. Что для вас успех — учитель? Или настоящим учителем может быть только провал?

— Моя карьера начинается. И каких-то откровенных провалов еще не было. Успех, конечно, окрыляет, тем более в начале пути. Хотя я, наверное, знаю, что такое провал. Это «черный человек», который может явиться тебе на сцене. И он знаком не только мне. К моему партнеру Александру Георгиевичу Филиппенко этот злой демон тоже приходит. Ты можешь играть роль, ни в чем не сомневаясь, но вдруг откуда-то отсюда, из района солнечного сплетения, выходит этот бесплотный демон и начинает язвить: «Ну что ты тут кривляешься? Зачем ты это делаешь?..» Хорошо, если во время спектакля ты можешь его прогнать и переговорить с ним после. Может, кому-то это покажется сумасшествием, но «черный человек» живет во мне, и я начинаю раздавливаться. Уже

век. Не знаю, насколько уместно сказать «слишком верующий», во всяком случае, непоколебимо верю в высшую силу и высший разум.

— Вы хотите сказать, что все, что случается в жизни, отнюдь не случайность?

— Я не стремилась быть актрисой. И не понимаю, как о таком занятии можно мечтать как о профессии. Мой муж образно говорит: «Женщина хочет быть пианисткой, а мужчина — играть Шопена». Я как раз тот мужчина, который хочет играть. Мне интересно примерять роль, весело выходить на сцену и жить чужой, придуманной жизнью. Я люблю все это со школьных лет. Мы готовили КВНы, «огоньки», спектакли. Сочиняли, тут же исполняли, шили костюмы, рисовали... Меня бодрило предвкушение лицедейства. Но я не хотела заниматься этим профессионально. И, поступив в Щукинское училище, не мечтала играть в театре или в кино... Однако и то, что случилось дальше, случайностью называть не могу. Наверное, это судьба.

— Не понимаю, как можно поступить в театральное училище и не想要 быть актрисой. И это в 18 — 19 лет!

— Я думала: почуствую, посмотрю, чему и как тут учат, потом, может быть, пойду куда-нибудь администратором или стану заниматься продюсерством... Мама мне советовала учиться на бухгалтера. И я была к этому готова. Я ведь и спектакль Марка Захарова не видела. Знаете анекдот: «Чукча не читатель, чукча — пи-

лаю, но без охоты. А репетиции и спектакли люблю. И много раз сыгранный спектакль мне не надоедает, потому что он каждый раз воспринимается по-разному.

— А партнеры при этом не надоедают? Что для вас значит «удобный партнер»?

— Тот, который играет со мной в одну игру. Который проживает вместе со мной жизнь моего героя. Хороший партнер — это прежде всего хороший артист. Плохой артист при всей его душевности не может быть удобным партнером. Я люблю и Сашу Лазарева, и Александра Георгиевича Филиппенко. Мне с ними комфортно, уверенно. Эти актеры, как дети, с которыми запросто можно условиться, что эта коробочка будет танком, а этот шарик бомбой. И если шарик бросить, он взорвется, а танк начнет стрелять.

— А каким показался «Ленком» с первого взгляда?

— В «Ленкоме» очень жесткая рабочая обстановка, здесь все подчинено работе. И меня это радовало. Я не смогла бы работать в театре, куда приходят актеры, чтобы прочитать какую-то пьесу, обсудить ее, пошептаться на ушко, поговорить о новостях театральной или киношной жизни, попить чайку. Это не для меня. В «Ленкоме» работа стоит на прочной бизнес-основе. Он напоминает хорошую киностудию: высокий темпопитом, никаких простоеев, ставятся дорогие спектакли, актеры получают хорошую зарплату.

Что касается «народных и заслуженных», то ошибочно думать, будто они за кулисами открываются, обнажают душу. Хотя я никогда не обожествляла людей. Моя мама когда-то работала в вологодском ТЮЗе, и я там проводила много часов. Я видела жизнь актеров такой, какая она есть. Она мало чем отличается от жизни других людей: они так же едят, простужаются, чихают и кашляют. Но уважение к творческой деятельности этих людей во мне всегда было.

Конечно, по сыгранным ролям складываются определенные образы. В жизни они оказываются объемнее, глубже. Леонид Сергеевич Броневой казался мне строгим, погруженным в себя, малоразговорчивым человеком. А оказалось, что он трогательный, нежный и очень добрый человек, который мне в театре во многом помог разобраться. И молодые ребята — Саша Лазарев, Дима Певцов — казались мне поначалу холодными, неприступными красавцами. Нет, это живые люди, с очень трогательным отношением к своим семьям, с великолепным чувством юмора и т. д.

«У меня очень часто происходит отвал башки. Если это можно считать достоинством, то я рада».

не он, а я сама задаю себе вопросы: «Зачем все это? Что за профессию ты выбрала?» Но пока с этой силой я могу бороться и побеждать. Хотя и бывают минуты, когда вдруг ясно понимаю: нужно уходить. Этот демон может довести до депрессии. Но я, как, пожалуй, все женщины, в трудные времена стараюсь за что-то или за кого-то ухватиться, найти опору. И в этом отношении я счастливый человек. У меня постоянно есть кто-то рядом, кто вытаскивает меня из депрессий. К тому же я верующий чело-

ватель? Так это про меня. Я не люблю ходить в театры. И во время учебы единственный, кто меня интересовал, — это Виктор. Спектакли «Ленкома» я смотрела, уже работая там. Мне не интересно смотреть, мне интересно играть и заниматься. И вообще хочется жизнь прожить весело и смешно.

— Но чтобы сыграть роль, нужно проделать титаническую работу.

— Все это я не люблю. Сама мысль, что нужно читать пьесу, потом учить, меня угнетает. Я, конечно, все это де-

— То есть нормальные, обычные люди?

— Нет, не обычные. Актеры — это шаманы, которые умеют говорить чужими голосами, двигаться чужой пластикой, смотреть на окружающих не своим взглядом. Они вселяются в другие тела и принимают в собственное чужую душу. Актеры — люди с особой аурой и плотным энергетическим кольцом. У них двойное отстранение от мира: личностное и актерское. Я считаю, именно поэтому в театре нет ни горячих дружб, ни страстных романов. Здесь работают самодостаточные люди, для которых очень важно иметь надежный тыл. Иметь ту ненормальную половину, которая их может понять. А понять нас порой невозможно. Значит, нужно уметь просто принять без разговоров и выяснения отношений.

— С темпераментом и страстью, как у вас, мне кажется, интереснее работать не в театре, а в кино.

— В кино мне тоже интересно. Я с удовольствием сыграла в «Воре» у Чухрая. Сейчас снимаюсь в главной роли в фильме Егора Кончаловского. Мне интересно все, что расширяет кругозор, открывает во мне какие-то новые ниши.

— Вы говорите «жизнь прожить весело и смешно». Мне кажется, что на киносъемках всегда больше экспромта, импровизации, а значит, и курьезов.

— Почему-то актеров часто просят рассказать о курьезах. Может, какие-то вещи со временем действительно кажутся смешными, но я к курьезам в работе отношусь серьезнее, чем кому-то хотелось бы. Курьез в профессии — это не смешно. В Чернобыле на атомной станции произошел курьез. Не буду сравнивать масштабы и последствия, но в актерской жизни курьез — это своего рода маленький Чернобыль. Когда в спектакле происходят какие-то незапланированные вещи, то актеры, пусть на секунды, но сбиваются с заданного ритма, зрители же чаще всего просто не понимают, что произошло. У нас в «Королевских играх» в сцене у колыбели идет разговор о том, кто родился: мальчик — девочка. И однажды мы с Лазаревым говорим этот текст и видим, что кукле кто-то, чтобы нас расколоть, привязал искусственный половой член. Смешно? А меня это взбесило. Помните, Эфрос говорил, что театр — это энергетический мост между зрителем и актером. Я это представляю в виде трубы, по которой идет энергообмен. И если по какой-то причине образуется брешь, то спектакль не получается. Нет ни слез, ни смеха, так — балаган.

— А театральным суевериям вы подвержены?

— Нет. Не люблю я номер 666 на машинах, а колечек или фенечек, которые помогают крыльышками махать, у меня нет.

— Такое впечатление — попадись вам в руки золотая рыбка, скажете: «Ничего не нужно, все есть».

— Не скажу. Но чего-то материального попрошу в последнюю очередь. Квартиру, например, о которой пока мечтаю и живу в чужой. А рыбку я бы попросила быть моим продюсером или дать мне такого продюсера, который бы плавал в мире шоу-бизнеса, как она в море. Сейчас, помимо ролей в фильме Егора Кончаловского, мне предложили еще две работы в кино. Вроде и деньги есть, но еще

ли, это была мощная энергетическая связь. Сейчас в этом театре для меня нет ролей. И меня пригласили в Театр имени Маяковского, где как будто есть и для меня работа. Это главная причина моего ухода. К Марку Анатольевичу как к режиссеру у меня по-прежнему самые добрые чувства. И если доведется еще поработать вместе, буду рада.

— Вы самоедка?

— Ужасная. Я ведь Скорпион, который себя жалит чаще, чем других. Но окружающих мне тоже жалко. Бедный Игорек! Ему от меня достается больше всех.

— Это вы о муже?

— Да. Он на шесть лет старше меня, работает звукорежиссером. Умный, рассудительный. Мне как раз логики в жизни всегда не хватало, и я до сих пор страдаю от этого. И по математике в школе у меня была упорная «четверка». Из-за нее и золотую медаль не дали. Но сейчас Игорь — моя золотая медаль. Он понимает все, и на все у него есть правильный ответ. Он мой якорь и звездолет одновременно.

«Актеры — это шаманы, которые двигаются чужой пластикой, смотрят не своим взглядом».

рам этот проект, но пока никто не заинтересовался. Или роль Маты Хари. Тоже интересная для меня личность.

— Амалия, в начале творческого пути вас взял к себе Захаров, один из лучших столичных режиссеров. И вдруг вы уходите от него. Почему?

— Верно, самые счастливые минуты, часы, дни, месяцы творческой жизни у меня связаны с Марком Захаровым и с «Королевскими играми». Он был идеальным режиссером. Именно «был»: когда ставили и примерно первые полгода, когда играли, а Марк Анатольевич еще делал замечания, объяснял. Не знаю, повторится ли это состояние полета, счастья. Тогда казалось: я понимаю каждое его слово, взгляд, жест, мысль. В то время в моей жизни ничего, кроме этой работы, не существовало. Это был кайф. Дело не в том, что Захаров опытен и именит. Может быть, в другом его спектакле, в другой роли этого бы и не получилось. Для нас тогда так звезды вста-

— У актеров, как мне кажется, есть особый талант: многие свои недостатки переводить в достоинства. У вас тоже так?

— У меня очень часто происходит отвал башки. Если это можно считать достоинством, то я рада. А потом от усталости или близорукости — а может, от того и другого вместе — я бываю рассеяна. Могу в метро, например, философски наблюдать, как у соседа напротив из кармана вытаскивают кошельк, и абсолютно не видеть в этом преступления, а только сам процесс: «Так-так, тихонечко... Вот и молодец! Он и не почувствовал». В том же метро могу уснуть рядом со вшивым и вонючим бомжем и не замечать его. Могу перепутать время или придумать себе, что мне нужно обязательно съездить на пару дней в Париж. По делу... Срочно! Так хочет моя душа. Хотя, если задуматься, то мне абсолютно там нечего делать. Но душа просит. И значит, ничего ее не может остановить. ■

